

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОТНИКА НА СѢВЕРѢ

Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ въ губернскомъ городѣ N. стали появляться какіе-то люди жалкаго и обрваннаго вида. У нихъ были узаконенные годовые паспорта; по словамъ ихъ, они переселенцы изъ каргопольскаго и пудожскаго уѣздовъ Олонецкой губерніи. Не смотря на то, что виды ихъ были вполнѣ законныя, полиція однакожь задерживала ихъ; но причинѣ крайней ихъ нищеты имъ выдавали общее арестантское содержаніе и затѣмъ возвращали ихъ въ Каргополь и Пудожь. Людей этихъ прибывало все болѣе; всѣ части города были ими наполнены и, не смотря на то, что ихъ постоянно высылали обратно, они все прибывали, такъ что въ частяхъ ихъ безсмѣнно находилось почти до ста человѣкъ. Въ городѣ N. попадали однакожь только авангарды движенія; потому что, какъ скоро они узнали, что здѣсь ихъ задерживаютъ и отсылаютъ обратно, они перестали вѣзжать въ городъ и съ дороги возвращались домой. Въ Олонецкую губернію возвращались они крайне неохотно; они объявляли, что готовы остаться на всегда въ губерніи, гдѣ были задержаны, отправиться въ Сибирь, въ восточную Россію, на Кавказъ, куда угодно, но только не въ Олонецкую губернію. Когда ихъ спрашивали, куда они переселяются, они не умѣли дать никакого положительнаго отвѣта или отвѣчали неопредѣленно—въ Самарскую губернію. Они изъявляли готовность переселиться и въ губернію Ставропольскую;—какой-то доброжелатель этой губерніи далъ имъ объ ней очень выгодное понятіе, но не научилъ ихъ выговаривать правильно ея имя.

Что же это за странные переселенцы, которые бѣгутъ отъ своей родины, куда глаза глядятъ, которые пускаются на авось въ мѣста, незнакомыя имъ даже по имени, не зная, что ихъ ждетъ въ неизвѣстномъ далекомъ—блаженство или голодная смѣрть, и на этотъ смѣлый шагъ рѣшаются съ беременными женами и малыми дѣтьми? Напрасно мы стали бы обвинять этихъ людей въ безпокойномъ характерѣ. Напротивъ, они отличались необыкновеннымъ спокойствіемъ и смиреніемъ. Не смотря на крайнее отвращеніе, съ которымъ они возвращались на родину, они отправлялись въ Каргополь и Пудожь безъ всякаго сопротивленія и только изъявляли надежду, что имъ когда нибудь дозволятъ переселиться. Это смиреніе, эта благоразумная покорность въ минуту такого рѣшительнаго поступка, явно показывали, что поступокъ этотъ не былъ плодомъ взволнованнаго воображенія, не былъ однимъ изъ тѣхъ увлеченій, которымъ случается доводить русскаго крестьянина до тюрьмы и до бѣды. Стоило нѣсколько минутъ поговорить съ этими бѣдняками, чтобы убѣдиться, что поступокъ ихъ не былъ произведеніемъ минутнаго эффекта, а былъ порожденіемъ причины постоянной, сильно дѣйствующей, одной изъ тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ людей рѣшаться на вещи необыкновенныя въ совершенно холодномъ настроеніи духа. Это придавало всему дѣлу торжественный характеръ. Вниманіе привлекалось къ нему еще сильнѣе нѣкоторыми побочными обстоятельствами и соображеніями. Подъ вліяніемъ идей, занесенныхъ къ намъ европейскою цивилизаціею, правительство въ послѣднее время старалось, по возможности, не стѣснять въ Россіи свободное передвиженіе рабочаго населенія съ цѣлью найти себѣ хлѣбъ и обезпеченіе; въ Сибири даже бродягъ не забирали, если они не воровали и не беспокоили населеніе и оставляли ихъ совершенно въ покоѣ; если они находили себѣ пріютъ и честный кусокъ хлѣба. Въ Россіи администрація смотрѣла сквозь пальцы, на такъ называемыя на официалномъ языкѣ, самовольныя переселенія. Этотъ взглядъ теперь повидимому значительно измѣнился и произошелъ поворотъ въ противоположномъ направленіи. Причину поворота отыскиваютъ въ опасеніи, чтобы изъ сѣвернаго края населеніе не двинулось массами и не поставило администрацію въ затруднительное положеніе. Если всмотрѣться ближе въ дѣло, то такое опасеніе едва ли будетъ вѣроятно. Не смотря на рѣдкое населеніе сѣвернаго края, многіе просятъ о переселеніи, тысячи получаютъ разрѣшеніе и все-таки эти просящіе и получающіе разрѣшеніе составляютъ громадное

меньшинство сравнительно съ желающими оставить неблагодарную родину. Въ нѣкихъ мѣстностяхъ большинство волостей тяготеетъ многочисленностью своихъ членовъ и было бы счастливо, если бы оно избавилось отъ половины. Тяготѣніе міра надъ тѣмъ, кого хотятъ вытолкнуть, и стремленіе этихъ послѣднихъ выйдти, непрерывно дѣлаются столь сильными, что они не въ силахъ дожидаться официальныхъ разрѣшеній, не начинаютъ даже официальной переписки, а прямо идутъ, куда глаза глядятъ. Подобные переселенцы неоднократно уже были задержаны и возвращались на старое мѣсто; губерніи Архангельская, Олонецкая и Вологодская одинаково участвовали въ этихъ переселеніяхъ. Рядомъ съ задержанными, по слухамъ, множество успѣло обмануть бдительность начальства и пробраться въ другія мѣста. Задержанные въ городѣ Н. каргопольцы и пудожцы увѣрили, что изъ одной ихъ мѣстностей пятьсотъ человѣкъ успѣли уйти и не возвращались; многіе пустились въ путь и воротились, когда узнали, что ихъ задерживаютъ; еще больше людей собралось переселиться и остановилось на мѣстѣ.

Подойдемъ ближе къ этому явленію, и я надѣюсь, что мы не потеряемъ даромъ наше время. Мы убѣдились, что не тамъ слишкомъ густое населеніе, гдѣ считается восемь и четырнадцать тысячъ человѣкъ на одну квадратную милю, а тамъ, гдѣ населеніе не можетъ обезпечивать себя и свое потомство. Въ пустынь одинъ человѣкъ будетъ слишкомъ густое населеніе, потому что онъ долженъ погибнуть съ голоду. Какъ скоро въ странѣ насчитывается пятьдесятъ или триста человѣкъ на квадратную милю, такъ нашимъ газетнымъ Маннловымъ непремѣнно хочется усмотрѣть всѣ недостатки нашего экономическаго положенія въ рѣдкомъ населеніи. Но рѣдкость населенія, при другихъ благоприятныхъ условіяхъ, еще не Богъ знаетъ какая бѣда. Въ Америкѣ населеніе рѣдко, но это не мѣшаетъ экономическому процвѣтанію страны.

Что же касается нашего Сѣвера, то невыгоды сельскаго хозяйства обусловливаются тутъ многими обстоятельствами. Не смотря на огромныя пространства земли, въ сѣверной полосѣ удобныхъ почвъ для пашни очень мало; въ Архангельской губерніи пахатныхъ земель относительно населенія почти въ шестнадцать разъ менѣе, чѣмъ въ Войскѣ Донскомъ. Земли эти безъ удобренія ничего не даютъ, но даже при самомъ лучшемъ удобреніи урожай можетъ погибать отъ зимнихъ морозовъ. Для удобренія нужно значительное скотоводство, а луговъ также мало, какъ пашень, зима

продолжительна и холодна, для содержанія одной скотины нужно несравненно болѣе сѣна, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи; отъ суроваго климата скотъ мелокъ и даетъ плохое удобреніе. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ населеніе должно жить земледѣліемъ, ему приходится плохо. Оно лучше обезпечено только тамъ, гдѣ оно имѣетъ болѣе или менѣе обильный заработокъ отъ промысловъ. Самое счастливое населеніе сѣвера это то, которое живетъ или по берегамъ моря или по берегамъ большихъ славныхъ рѣкъ. Чтобы яснѣе изобразить бытъ сѣвернаго населенія у береговъ большихъ рѣкъ и моря, я воспользуюсь вновь выпедшмъ отчетомъ комисіи по изслѣдованію печорскаго края. Первая и самая характеристическая черта работника этихъ мѣстностей заключается въ томъ, что онъ, по существу условій своей жизни, пролетарій,— пролетарій, при рѣдкомъ населеніи, при дорогомъ хлѣбѣ, при невыгодныхъ условіяхъ для промышленнаго развитія. Общинное владѣніе, распространенное на воды и минеральныя богатства, еще удерживаетъ его нѣсколько отъ окончательнаго раззоренія, но оно оказывается далеко не дѣйствительнымъ средствомъ для прочнаго благосостоянія края. Принципу общиннаго владѣнія можно подвергать только рѣчныя, а не морскія воды; выгода отъ нихъ такъ незначительна, что душевой надѣлъ стоитъ отъ 20 до 80 кон. Весь рыбный промыселъ находится въ рукахъ немногихъ рыбаковъ капиталистовъ, которые получаютъ съ него до двухъ сотъ тысячъ рублей, а общиннымъ владѣльцамъ уплачиваютъ не болѣе двухъ тысячъ. Ловятъ они съ помощью наемныхъ рабочихъ, которымъ платятъ за все время лова иногда два рубля серебромъ и никакъ не болѣе тринадцати рублей. Морской рыбный промыселъ также въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, онъ подвергается большимъ опасностямъ и на Новой Землѣ оказался до того гибельнымъ, что теперь невозможно найдти для него охотниковъ; не смотря на то, цѣлое семейство, за цѣлый годъ работы, получаетъ иногда только десять рублей серебромъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ тамъ распредѣлены продукты сельскаго хозіяйства, я скажу нѣсколько словъ о скотоводствѣ. Скота тамъ очень мало и главное богатство заключается въ оленяхъ; однакожь, изъ двухсотъ пятидесяти тысячъ оленей только двѣнадцать тысячъ принадлежатъ мелкимъ владѣльцамъ, а все остальное мѣстнымъ капиталистамъ, которые имѣютъ иногда до девяти тысячъ оленей. На двадцать пять тысячъ населенія печорскаго края всего двѣсти пятьдесятъ мелкихъ владѣльцевъ оленей, т. е. на сто жителей, одно рабочее семейство владѣетъ

оленими. Эти двѣсти пятьдесятъ счастливицевъ получаютъ каждый не болѣе сорока пяти рублей въ годъ дохода отъ своего скотоводства, между тѣмъ, какъ вся цѣнность продуктовъ, получаемыхъ отъ оленей, болѣе двухсотъ пятнадцати тысячъ рублей серебромъ. Работники, которые не нуждаются въ помощи капиталистовъ для своего производства, находятся въ положеніи нисколько не лучшемъ. Вѣрнаго заработка на Сѣверѣ нѣтъ; самыя постоянныя занятія—земледѣліе и звѣриный промыселъ даютъ обезпеченіе самое невѣрное. О земледѣліи нечего и говорить; всякій знаетъ, какъ невѣрны на крайнемъ Сѣверѣ его результаты, а чтобы дать понятіе о случайностяхъ, которымъ подвергается охотникъ, я скажу, что въ печорскомъ краю куронатокъ въ одинъ годъ вылавливается до двухъ милліоновъ штукъ, а въ другой — менѣе восьмидесяти тысячъ. Такое положеніе и необходимость уплачивать срочныя подати и сборы отдастъ и тѣ части населенія, которыя могли бы пользоваться нѣкоторою самостоятельностью, въ руки пріѣзжихъ купцовъ. По изслѣдованіямъ комисіи, чердынскіе купцы берутъ 150% на свой капиталъ въ торговлѣ съ печорцами. Комисія нашла, что печорцы находятся въ полной зависимости отъ монополіи чердынцевъ. «Барыши чердынцевъ, говоритъ комисія, слишкомъ велики и печорцы правы, когда говорятъ, что чердынцы обѣли ихъ совершенно и теперь выѣдаютъ мозгъ изъ костей». Промѣстную торговлю комисія выражаетъ, что это скорѣе грабежъ, чѣмъ торговля; чрезъ нее самоѣды лишились большинства своихъ стадъ. «Кто превзошелъ въ искусствѣ обманывать, говоритъ комиссія, пустозерцы или ижемцы—рѣшится трудно; какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствуютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ». Въ сѣверномъ краѣ всякое коммерческое предпріятіе само собою вырождается въ монополію; встрѣчаешь ее и тутъ, и тамъ, гдѣ, новидимому, всего менѣе можно было бы ожидать ее. Въ Сибири, по большому тракту изъ Иркутска въ Ирбитъ и на нижегородскую ярмарку провозится такая масса товаровъ, что о монополіи не могло быть рѣчи; конкуренція имѣла самыя обширныя размѣры и крестьяне, не возвышавшіеся по своему благосостоянію надъ общимъ уровнемъ рабочаго класса, принимали въ ней участіе наравнѣ съ значительными капиталистами. Когда въ послѣднее время товары изъ Томска въ Тюмень стали перевозиться пароходами по Оби и Иртышу и имъ пришлось прѣбывать тысячи верстъ по безпріютнымъ мѣстамъ того Сѣвера, который я здѣсь описываю, пароходство въ самомъ скоромъ времени обратилось въ монополію. Заготовленіе дровъ и всего

нужнаго для пароходовъ было сопряжено съ такими затрудненіями, что удовлетворительный результатъ могъ быть достигнуть только общими ихъ усиліями. Это заставило ихъ соединиться и въ тоже время дѣлало невозможною конкуренцію отдѣльнаго капиталиста—пароходство сдѣлалось монополіею въ полномъ смыслѣ слова. Работники на пароходахъ набирались изъ селеній, расположенныхъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ тайги, они были въ полной власти своихъ хозяевъ, они получали болѣе низкую заработную плату и должны были, кромѣ того, брать вещи вмѣсто денегъ. Вслѣдствіе всего этого капиталисты на крайнемъ Сѣверѣ прибрѣтаютъ особенный складъ ума и особенныя воззрѣнія на промышленность. Они постоянно стремятся къ монополіи и въ одной монополіи видятъ для себя спасеніе. Имъ вѣзмъ присущи воззрѣнія бывшей російско-американской компаніи, которая наконецъ пришла къ тому убѣжденію, что для спасенія остатковъ пзморенныхъ ею инородцевъ и для спасенія ея собственной репутаціи, необходимо отказаться отъ американскихъ владѣній. И она отказалась. Капиталисты Сѣвера не разъ пытались идти по слѣдамъ этой компаніи и еще недавно предлагали отдать имъ въ монопольное владѣніе туруханскій край для поднятія будто бы его благосостоянія. Если имъ не удастся забрать цѣлый край, то они довольствуются и частичкой. Стоитъ напр. въ отчетѣ комисіи по изслѣдованію нечорскаго края прочесть о контрактѣ, заключенномъ съ Латкинскимъ, которому отдано въ арендное содержаніе добываніе точилъ и брусевъ изъ брусняной горы близъ деревни Усть-Щугора, чтобы видѣть, какъхъ ловкихъ монополистовъ вырабатываетъ нашъ сѣверный край. По контракту, онъ платитъ рабочимъ припасами и обязанъ заготовлять ихъ по возможно-дешевымъ цѣнамъ, брать не болѣе 10% на затраченный капиталъ и по требованію представлять свидѣтельство о цѣнѣ, по которой заготовка сдѣлана. Нѣтъ сомнѣнія, что Латкину не трудно будетъ добыть отъ продавцевъ свидѣтельство, что за хлѣбъ имъ заплачено въ трое дороже противъ настоящей цѣны. Это очень благовидное условіе даетъ ему возможность не только платить вещами вмѣсто денегъ, выставя высокія цѣны, но еще уменьшать заработную плату на десять процентовъ. Въ контрактѣ нѣжная заботливость о рабочихъ доведена до того, что приняты мѣры, чтобы они не объѣлись и во избѣжаніе несоразмѣрнаго потребленія рабочими хлѣба постановлено, что рабочій не можетъ требовать болѣе 3 пудовъ хлѣба въ мѣсяцъ. Утверждаютъ, что работа у Латкина выгодна для крестьянъ, хотя заработки и не велики. Какимъ обра-

зомъ малые заработки могутъ быть выгодны—не понимаю, но думаю, что для крестьянъ было бы еще выгодиѣе, если бы Латкина не было.

Всѣ произведенія печорскаго края, на основаніи свѣденій, собранныхъ комиссіею, можно оцѣнить въ 650,000 руб. сереб. Если бы всѣ эти деньги были распредѣлены по-ровну между жителями печорскаго края и въ такомъ случаѣ ихъ едва ли достало бы на покупку въ достаточномъ количествѣ ржанаго хлѣба *), не въ голодный, а просто въ нѣсколько дорогой годъ; недостало бы $\frac{1}{10}$ части — удовлетворить всѣмъ другимъ потребностямъ; приобрести орудія труда было бы рѣшительно не на что. Между тѣмъ, мы видѣли, каково распредѣленіе этихъ богатствъ и уже по этому одному можно судить, въ какомъ положеніи должно находиться населеніе. Комиссія нашла, что три четверти жителей края находятся въ крайней бѣдности. Девять десятыхъ хлѣба, потребляемаго въ печорскомъ краю, привозятся съ юга и потому тамъ вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно опредѣлить потребление мѣстныхъ жителей. По расчету приходится сорокъ пудовъ на семейство, состоящее изъ четырехъ человекъ. Между тѣмъ, какъ видно и изъ контракта Латкина и изъ запасовъ, которые берутся звѣроловами, отправляющимися на промыселъ, одному взрослому работнику нужно въ годъ хлѣба тридцать шесть пудовъ; можно себѣ представить послѣ этого, какъ и чѣмъ питается его семейство. Это въ обыкновенный годъ; что же бываетъ въ голодный? Въ печорскомъ краю приходится едва двадцать пять человекъ на квадратную милю, между тѣмъ комиссія замѣчаетъ, что количество пахатной земли уже далеко не соответствуетъ сильно возросшему въ настоящее время населенію. Дѣйствительно, на Сѣверѣ пахатныя земли даютъ плохіе урожаи и при хорошемъ удобреніи, да и такъ мало ихъ, что при первомъ увеличеніи населенія въ нихъ является недостатокъ. Девять десятыхъ населенія—это пролетаріи, которымъ очень плохо живется подъ опекой капиталистовъ; при такомъ положеніи совершенно непонятны заботы комиссіи объ увеличеніи населенія.

Но комиссія имѣетъ въ виду болѣе счастливое населеніе Сѣвера, сѣверное эльдорадо; оно беретъ его не въ голодный годъ,

*) На 25,220 жителей, если считать по два фунта въ день на человекъ, нужно всего хлѣба 460,265 пудовъ. Если хлѣбъ стоитъ 1 руб. 50 коп. за пудъ, что не рѣдкость въ печорскомъ краѣ, то цѣнность означеннаго количества будетъ 730,397 руб. 50 коп.

не въ тяжелую пору нужды, а въ обыкновенномъ, среднемъ его состояніи. Рядомъ съ нимъ существуетъ населеніе, закинутое въ глухіе, непроходимые болота и лѣса, гдѣ нѣтъ никакихъ промысловъ, гдѣ всѣ источники дохода и существованія ограничиваются только земледѣіемъ и скотоводствомъ, гдѣ нерѣдко для уплаты податей остается одно средство—продавать свой хлѣбъ. Если въ печорскомъ краю хлѣбъ мѣстнаго произведенія составляетъ только одну десятую всего потребляемаго хлѣба, если промыслы и оленеводство даютъ болѣе пяти шестыхъ всѣхъ произведеній края, а сельское хозяйство менѣе одной шестой, то можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находится населеніе, котораго всѣ средства существованія на Сѣверѣ ограничиваются однимъ земледѣіемъ. Жизнь на Сѣверѣ даже и при большихъ славныхъ рѣкахъ, богатыхъ рыбою, даже среди лѣсовъ, богатыхъ звѣремъ и кедровымъ орѣхамъ, дѣлается весьма затруднительною при отсутствіи удобныхъ мѣстъ для сбыта произведеній. Много было писано о крайней нуждѣ и гнетущей бѣдности жителей туруханскаго края, страдающихъ на низовьяхъ Енисея, а эта ли рѣка не богата разнообразною рыбою, эти ли лѣса не богаты звѣремъ. На сѣверной Оби я встрѣтилъ самое бѣдствующее населеніе, какое мнѣ случилось видѣть въ Сибири; мнѣ рассказывали тамъ о случаяхъ вымиранія массами отъ нужды и голода. Но всѣ эти нужды ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что должны вынести жители глухихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ ни промысловъ, ни звѣря, ни рыбы. Такихъ селеній множество между сѣвернымъ уваломъ и Ледовитымъ моремъ; ихъ не мало въ Архангельской, Пермской и Вятской губерніи, но въ особенности богаты ими сѣверная половина Вологодской и губернія Олонецкая. Жизнь въ Олонецкой губерніи болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, можетъ служить образцомъ подобной жизни и читателю нетрудно будетъ понять, какъ она относится къ только-что описанной жизни близъ славныхъ рѣкъ Архангельской губерніи, если я приведу здѣсь данныя о смертности:

Въ годахъ:

1856-1858-1859-1861-1862-1863.

Въ Архангельской г. умиралъ <i>одинъ</i> пзъ	31	23	33	37	34	30
» Олонецкой губ. » » »	21	22	22	26	26	21

Такая громадная разница въ смертности въ годы, не отличавшіеся нуждой, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о положеніи населенія. Каковы должны быть въ этихъ мѣстностяхъ успѣхи хлѣбопашества, можно видѣть изъ того, что въ Архангельской губерніи

приходится вдвое болѣе луговъ, чѣмъ пашень и можно держать достаточное количество скота для удобренія полей, а въ Олонецкой губерніи луговъ втрое менѣе, чѣмъ пашень. Въ Архангельской губерніи на каждую пахатную десятину приходится почти двѣ штуки крупнаго и болѣе одной штуки мелкаго скота, а въ Олонецкой на десятину приходится только три пятыхъ штук крупнаго и почти на три десятины одна штука мелкаго скота. Земля на Сѣверѣ и при удобреніи родитъ плохо, что же она можетъ родить безъ удобренія? Кромѣ того сѣверный климатъ, несмотря на массу своихъ болотъ и лѣсовъ, отличается еще сухостью во время лѣта. Уже наблюденія, сдѣланныя въ Гельсннгфорсѣ, указали на эту сухость; наблюденія на вологодской учебной фермѣ показали, что лѣтомъ, въ особенности въ то время, когда наливаются хлѣбъ и отъ котораго зависитъ полнозѣрность и питательность хлѣба, менѣе дождей выпадаетъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ Россіи, напримѣръ, въ Астрахани. Что дѣлать при такомъ положеніи? Жить можно только тамъ, гдѣ больше луговъ, гдѣ почва плодородна; а тутъ только одни болота, безплодные горы да лѣсъ и лишь кое-гдѣ клочками разбросаны мѣста, удобныя для пашни. Эта бѣдность почвы заставила населеніе забыть коренныя свои привычки: оно перестало селиться большими деревнями, разсыпалось среди болотъ и лѣсовъ мелкими выселками. Относительно населенія въ Олонецкой губерніи почти вдвое болѣе деревень и селеній, чѣмъ въ Архангельской и въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ въ Саратовской губерніи, а значительныхъ селъ въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ Архангельской. Селится же крестьянинъ противъ своего обычая мелкими выселками, для сохраненія скота и умноженія навоза, онъ и дворъ свой и жилище обращаетъ въ хлѣвъ, но все это мало помогаетъ. Пашень мало, жить нечѣмъ, а тутъ являются неожиданныя препятствія: для него дѣло первой необходимости расширять свои посѣвы, а ему запрещаютъ разчистки или указываютъ для этого мѣста, которыя для пашни и для посѣва негодны и заставляютъ его терять послѣднія свои сѣмена на безплодной землѣ. Лѣсамъ нѣтъ конца, никому ихъ не надо, валятся цѣлыми полосами отъ бури и гниютъ на корню, истребляются безжалостно крупными тузами лѣсопромышленниками, а когда крестьянину нужно разчистить клочекъ земли подъ свою бѣдную пашню, тогда появляется мнительная бережливость и грозно вырастаетъ зловѣщій призракъ лѣсоистребленія. Крестьянинъ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія и встрѣчаетъ ихъ не въ то время, когда онъ

простираетъ свои виды на годный и цѣнный лѣсъ, безъ всякой жалости и толку истребляемый лѣсопромышленниками, а въ то время, когда онъ выпрашиваетъ для себя клочекъ никуда не годный и немѣющийся никакой цѣнности. Полосу, заросшую крупнымъ и цѣннымъ лѣсомъ, не расчистишь подъ пашню; для этого нужны мѣста, поросшія лѣсомъ мелкорослымъ и никуда негоднымъ. Недостатокъ пашень заставляетъ его пахать и засѣвать каждый годъ одно и тоже поле, не давая ему отдыха, а недостатокъ скота заставляетъ сѣять почти безъ удобренія. Земля и безъ того скудная и мало годная выпаживается окончательно, неурожай становятся чаще и все въ большихъ размѣрахъ; куда же это приведетъ со временемъ? Возрастающая бѣдность заставляетъ крестьянъ продавать скотъ и уменьшеніе скотоводства не только плодитъ неурожай, дѣлаетъ мясо для крестьянина совершенно недоступнымъ, но лишаетъ его еще одной вещи, крайне необходимой на Сѣверѣ — теплой одежды. Архангельская губернія, при меньшемъ числѣ жителей, имѣетъ не только болѣе овецъ, чѣмъ Олонецкая, но кромѣ того имѣетъ еще 265,000 оленей. Въ Астраханской губерніи, при тепломъ ея климатѣ, приходится болѣе четырехъ овецъ на человѣка, а въ Олонецкой приходится менѣе одной овцы на трехъ человѣкъ. Нигдѣ въ Россіи не страдаютъ въ такой степени отъ недостатка теплой одежды, какъ въ этихъ холодныхъ мѣстностяхъ, Повѣритъ ли кто нибудь, что къ нуждамъ крестьянина въ нашей лѣсной полосѣ принадлежитъ и недостатокъ топлива и теплаго жилища. Въ Новгородской губерніи, въ этой губерніи лѣсопромышленности, которая вывозитъ лѣсъ за-границу, гдѣ двѣ трети всего пространства покрыты лѣсами, Гилыровскій признаетъ недостатокъ топлива и теплыхъ жилищъ однимъ изъ важныхъ источниковъ смертности. Онъ раздѣляетъ крестьянскія жилища на три разряда — тѣ, гдѣ бываетъ зимою до 16°/о тепла — это жилища богатыхъ и зажиточныхъ крестьянъ; на избы, гдѣ до 10°/о тепла — это жилища крестьянъ средней руки (эта температура уже невыгодно отзывается на здоровьѣ и вообще на физическомъ развитіи крестьянъ), и наконецъ на жилища многочисленной бѣдности, гдѣ бываетъ до 5°/о тепла, сиѣгъ лежитъ въ избѣ, въ особенности по угламъ, въ нее врывается вѣтеръ, — вода въ избѣ замерзаетъ, — это температура гибельная для жизни и здоровья.

При обильной пищѣ, при благосостояніи ни одинъ климатъ не способенъ производить такихъ сильныхъ и мускулистыхъ людей, какъ климатъ крайняго Сѣвера. Стоитъ вспомнить о полярныхъ

животныхъ, чтобы понять, какія массы жира и мяса способенъ производить СѢверъ. Между тѣмъ постепенно разрастающаяся нужда уже давно начала порождать на СѢверѣ вырожденіе расы. Населеніе мельчаетъ, дѣлается слабымъ, болѣзненнымъ и утрачиваетъ свою рабочую энергію. Это вырожденіе расы давно уже замѣчено было администраціею при рекрутскихъ наборахъ, и потому мѣра роста рекрутъ была уменьшена для сѢверной полосы. Наконецъ бѣдность сѢвернаго края не могла уже болѣе оставаться незамѣченною; она обращала на себя вниманіе преимущественно въ городахъ, гдѣ она рѣзче бросалась въ глаза. Въ печати стали появляться статьи, въ которыхъ сѢверные города изображались притонами нищихъ; городскимъ жителямъ крайне надоѣдали массы бродягъ, жившихъ милостыцею, которые не давали покоя, студили кухню и выпрашивали все, что только можно было выпросить. Нищія, обыкновенно, раболѣпные и запуганные, по временамъ прибѣгали къ болѣе грознымъ приемамъ; они являлись въ дома толпами и поѣдали все, что находили, не заботясь о томъ, что они были непрошенные гости. Чиновники и купцы сѢверныхъ городовъ терпѣливы, они не возмущались посѣщеніями неприглашенныхъ гостей, они смотрѣли на это какъ на неизбежное зло. Имъ и въ голову не приходило, что можно освободиться отъ навязчивыхъ посѣщеній, отвлекая голодные желудки къ общимъ столамъ. Когда наконецъ это сдѣлано было въ Пинежѣ, объ этомъ шумѣли на всю Россію, какъ будто совершался великій подвигъ; пинежцы правильно сообразили, что имъ невыгодно очищать свои кухни на свой собственный счетъ и что гораздо выгоднѣе, если это будетъ дѣлать вся Россія во имя благотворительности. Жители другихъ городовъ СѢвера, глядя на догадливость пинежцевъ захотѣли поступить еще лучше, они заботу объ очищеніи своихъ кухонь прямо предоставили Россіи и старались извлекать изъ этого для себя выгоды безъ всякихъ жертвъ. Бѣдность трехмилліоннаго сельскаго населенія СѢвера, которая вздыхала вдали отъ образованнаго общества и не мозолила глаза, легко игнорировалась; купечество даже было довольно тѣмъ, что она давала возможность пользоваться весьма дешевымъ трудомъ. Органы Маниловыхъ увѣряли насъ въ томъ, что на богатомъ нашемъ СѢверѣ нѣтъ пролетаріевъ, что у насъ не умираютъ съ голоду, что мы однимъ словомъ, всемірная и неистощимая житница, могущая прокормить хлѣбомъ цѣлый свѣтъ... Такъ одинъ извѣстный писатель, описывая, какъ ѣдятъ древесную кору въ Вятской губерніи, прибавляетъ, что отъ этой

прекрасной пищи только у дѣтей раздуваетъ животъ, а взрослые люди имѣютъ здоровый и крѣпкій видъ. Ученому статистику и политико-эконому осталось неизвѣстнымъ, что самая жалкая и ужасная смертность въ Россіи имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ Пермской, Олонецкой и Вятской. Но Маниловы, благодаря ихъ крайней ограниченности, часто сами волей—неволей проговоривались, и частичка истины разоблачалась.—Тогда признавали необходимымъ принимать разныя мѣры, чтобы помочь голодающимъ; иногда помощь оказывалась прямо хлѣбомъ. При такомъ оптимизмѣ общества можно себя представить, какая судьба постигала эти вспомошествованія; если общество, исполненное патріотическаго энтузіазма, не было въ состояніи обуздать казнокрадства и лихоимства во время войнъ съ Наполеономъ I и севастопольской кампаніи, то легко вообразить, что дѣлалось тамъ, гдѣ общество оставалось равнодушнымъ, и не только было безучастнымъ, но даже вовсе не было зрителемъ, потому что дѣломъ этимъ нисколько не интересовалось. Въ Енисейскѣ я встрѣтилъ спекуляторовъ, которые скупали по дешевымъ цѣнамъ казенный хлѣбъ, назначенный для обезпеченія енисейскаго понизовья и поставляли его на золотые промыслы. На сѣверной Оби мнѣ рассказывали о значительномъ количествѣ хлѣба, предназначеннаго къ раздачѣ голодающимъ, но голодающіе въ таежныхъ деревняхъ этого дикаго края не могли добыть себѣ ни одного зерна изъ предназначеннаго для нихъ хлѣба, и горько жаловались. Въ сѣверной Россіи я встрѣтилъ тѣже жалобы; говорилось, что чиновники, занятые раздачею хлѣба, наживаются на счетъ его, что купцы дѣлаютъ при этомъ самыя отчаянныя спекуляціи. Вездѣ я видѣлъ одно недовѣріе, всеобщее убѣжденіе, что нужды края не приведены въ извѣстность, что помощь не доходитъ по своему назначенію. Ясно было, что положеніе сѣвернаго края будетъ изъ году на годъ хуже и затруднительнѣе до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не явится сознаніе необходимости помочь сѣверному краю въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ нуждается, пока это сознаніе не сдѣлается столь серьезнымъ, что изъ него вытечетъ учрежденіе, дѣйствительно способное достигнуть своей цѣли. Первая помощь сколько нибудь значительная и, въ тоже время, невозбудившая подозрѣній явилась въ настоящемъ году. Но мы сейчасъ увидимъ, въ какой степени помощь эта ничтожна въ сравненіи съ потребностями края; мы увидимъ, что нужда страны, по необходимости, должна возрастать при настоящихъ обстоятельствахъ изъ году на годъ; что если не остановить этого фатальна-

го прогресса, то отъ этого могутъ произойти самыя неожиданныя послѣдствія и безвыходныя затрудненія для того же, чтобы остановить этотъ прогрессъ, нужны мѣры несравненно болѣе существенныя.

Въ Олонецкой губерніи живетъ 125 человѣкъ на квадратной милѣ. Только въ двухъ губерніяхъ европейской Россіи, въ Архангельской и въ Астраханской менѣ густое населеніе. Два съ половиною человѣка на квадратную версту это такое рѣдкое населеніе, что рѣже его и представить себѣ трудно; между тѣмъ и это населеніе стало оказываться слишкомъ густымъ. Промыслы и сельское хозяйство стали уже недостаточными для поддержанія мѣстнаго населенія и, не смотря на всѣ успія крестьянъ расширить свои носѣвы, нужда разрасталась передъ ними все болѣе ужасающимъ призракомъ. По этому случаю олонецкій статистическій комитетъ жалуется на невѣжество крестьянъ и совѣтуетъ имъ воздѣлывать олонецкія болота, которыя будто бы представляютъ собою самыя плодородныя почвы Олонецкой губерніи. Жаловаться на чужое невѣжество и при этомъ обнаруживать свое собственное—замашка весьма распространенная между нашими публицистами-администраторами. Много ли на сѣверѣ болотъ, на которыхъ и послѣ ихъ осушенія, можетъ расти что нибудь, кромѣ мха; но даже болота, обѣщающія плодородную почву, могутъ быть воздѣланы не иначе, какъ съ приложеніемъ капитала, что крестьянину не подь силу; а изъ капиталистовъ не много найдется такихъ любителей риска, чтобы приложить свои капиталы къ безплодному употребленію. Въ то время, когда статистики и администраторы награждали населеніе Олонецкой губерніи идеальными совѣтами, сельско-хозяйственная производительность края со дня на день дѣлалась все менѣе достаточною для обезпеченія населенія, жизнь рабочаго дѣлалась со дня на день труднѣе. Повидимому, работникъ олонецкій могъ легко поставить себя въ положеніе независимое отъ земледѣлія; Олонецкая губернія была и по положенію, и по существу своему, промышленная. По оффиціальнымъ свѣденіямъ одни рабочіе занятыя на водныхъ путяхъ этой губерніи, числомъ 92857, на двадцать процентовъ превышали число всѣхъ, взрослыхъ рабочихъ губерніи; кромѣ того рыболовство, лѣсопромышленность и звѣроловство были естественными промыслами въ губерніи, въ которой четыре пятыхъ пространства покрыты лѣсами, и которая имѣетъ болѣе внутреннихъ водъ, чѣмъ какая либо другая губернія Россіи. Губернія, по которой проходитъ въ годъ болѣе двадцати тысячъ

судовъ, которая избилуетъ столько же лѣсомъ, сколько и водой, должна была развить среди своего рабочаго населенія, и дѣйстви-тельно развила судостроеніе. Ко всему этому присоединилось еще горное дѣло и близость Петербурга, которая привлекала въ отхо-жій промыселъ. Разсуждая отвлеченно, на основаніи этихъ дан-ныхъ, можно было бы предположить, что Олонецкая губернія мо-жетъ благоденствовать и при мало развитомъ земледѣліи; но на дѣлѣ оказывается не такъ. Еще не было страны, которая бы бла-годенствовала при промышленномъ развитіи, не смотря на упадокъ земледѣлія; упадокъ земледѣлія непременно ведетъ за собою и упадокъ промышленныхъ силъ. Движеніе судовъ по водамъ Олонец-кой губерніи дѣйствительно весьма значительно, но олонечкому рабочему приходится при этомъ конкурировать съ рабочими, кото-рые находятся въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи: у не-го отбиваетъ хлѣбъ работникъ, котораго семья сама себя кормитъ, и который идетъ бурлачить только для уплаты податей. Въ каче-ствѣ судорбочаго онъ, въ счастливомъ случаѣ, могъ заработать въ лѣто пятнадцать рублей, а часто уходилъ съ семьей рублями. Что дѣлать съ такими деньгами, когда нужно и подати уплатить и семью прокормить, платя по рублю съ четвертью и по полтора рубля за пудъ хлѣба. Олонецкій рабочій поступаетъ на суда съ голоду и отчаянія. Рыба и звѣрь дѣйствительно питали олонечка-го рабочаго, но съ увеличеніемъ населенія выгоды отъ этихъ про-мысловъ исчезаютъ еще быстрѣе, чѣмъ выгоды отъ земледѣлія. На шунгскую ярмарку, самую значительную въ Олонецкой губерніи по торговлѣ пушинымъ товаромъ, дичью и рыбой, постоянно приво-зится все менѣе этихъ предметовъ. Въ 1857 году на ярмарку при-везено было бѣлки до миліона штукъ, а въ 1865 г. всего семде-сять тысячъ; зайцевъ привозится въ десять разъ менѣе, чѣмъ преж-де, лисицъ въ 1862 г. было 6500 штукъ, а въ 1865 г. всего 900; рыбы въ 1862 году привезено было на 419,450 рублей, а въ 1865 году всего на 71,535 р. Горное дѣло также въ упадкѣ; въ 1860 году на олонечкихъ горныхъ заводахъ занято было 2126 рабочихъ, а въ 1862 году всего 1054. Что же касается до отхожихъ промы-словъ въ Петербургѣ, то дѣйствительно, по увѣренію Олонецкой памятной книжки, въ петрозаводскомъ уѣздѣ почти каждая семья посылаетъ одного изъ своихъ членовъ въ столицу. Работникъ ухо-дитъ, а его семья, брошенная на произволъ судьбы въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, погибаетъ. Въ 1863 году въ олонеч-кой губерніи вообще умерло одинъ изъ 21-го, а въ петрозавод-

скомъ уѣздѣ одинъ изъ 18-ти. Промышленные уѣзды Олонецкой губерніи сдѣлались самыми несчастными. Въ 1863 году уѣзды петрозаводскій, вытегорскій, лодейнопольскій отличались самою низкою смертностію; самая тяжкая участь выпала на долю повѣнецкаго уѣзда, который долженъ былъ жить звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ; доходность промысловъ такъ уменьшилась, что пмъ рѣшительно нечѣмъ было существовать. Жители разсыпались куда пошло. Въ шунгскомъ погостѣ, въ самомъ бойкомъ мѣстѣ повѣнецкаго уѣзда, въ 125 деревняхъ считалось 600 домовъ т. е. менѣе пяти дворовъ на селеніе. Но все это не помогало; въ 1863 году повѣнецкій уѣздъ отличался самою сильной смертностію между всѣми уѣздами Олонецкой губерніи, смертность эта была ужасна — тамъ умиралъ шестнадцатый. Послѣ всего этого самыми счастливыми уѣздами Олонецкой губерніи были все-таки тѣ, которые опирались на сельско-хозяйственную производительность, — олонецкій, славившійся своими лугами, и нудожскій, вывозившій ленъ; но выше всѣхъ по своему благосостоянію стоялъ уѣздъ каргопольскій. Въ 1863 году въ немъ была самая благоприятная смертность между всѣми уѣздами Олонецкой губерніи. Каргопольскій уѣздъ когда-то славился своимъ плодородіемъ, онъ не только снабжалъ хлѣбомъ винокуренный и пивоваренный заводъ, единственный въ цѣлой губерніи, но онъ вывозилъ хлѣбъ въ уѣзды вытегорскій и петрозаводскій, и даже доставлялъ его къ архангельскому порту. Каргопольскій уѣздъ славился не только своимъ земледѣліемъ, но и своимъ скотоводствомъ и торговалъ кожами. Съ увеличеніемъ населенія все это постепенно сокращалось и благосостояніе уѣзда постепенно падало.

Нетрудно было предвидѣть логическіе результаты этого сѣвленія обстоятельствъ. Постоянно возрастающій недостатокъ луговъ, постоянно увеличивающееся слабосиліе населенія не давало возможности запастись достаточно корма для скота; падежи принимали все большіе размѣры и чаще повторялись. Кромѣ того, скотъ распродался раззореннымъ населеніемъ для уплаты податей. Недостатокъ скота приводилъ къ недостатку удобренія и къ неурожаю. Падежи повторялись каждый годъ; одинъ крестьянинъ рассказывалъ мнѣ, что онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ купилъ пятнадцать лошадей и всѣ онѣ пали; это его раззорило окончательно. Не смотря на возрастающее населеніе, количество скота не только не увеличивалось, но уменьшалось. Въ 1862 году была чума

на рогатомъ скотѣ; въ 1863 году она возобновилась. Затѣмъ слѣдовали неурожаи, которые повторялись четыре года сряду и привели населеніе въ то жалкое положеніе, въ которомъ оно находится въ настоящую минуту. По официальнымъ свѣденіямъ, въ каргопольскомъ уѣздѣ въ 1863 году былъ еще лучший урожай между всѣми уѣздами губерніи; на подсѣкахъ онъ доходилъ до самъ 9-ти; для максимума это весьма немного. По среднему уровню онъ былъ едва ли не лучше урожая саратовской губерніи, и не смотря на это на душу приходилось отъ 3-хъ до 8 четвертей. Три четверти, исключая двѣ на семѣна, составляютъ менѣе четверти на жителя, менѣе одного фунта въ день на человѣка — это уже голодъ и горькая нужда. Такимъ образомъ и каргопольскій уѣздъ доживалъ до голода. По количеству своего скота, онъ уже менѣе всего былъ въ цвѣтущемъ или даже въ удовлетворительномъ положеніи. На каждую десятину пахатной земли приходилась только двѣ пятыхъ штуки крупнаго скота и треть овцы, т. е. почти въ четверо меньше, чѣмъ въ Архангельской губерніи. По количеству рабочихъ лошадей, каргопольскій уѣздъ сталъ принадлежать даже къ болѣе бѣднымъ уѣздамъ Олонецкой губерніи. При такомъ положеніи, неурожай были неизбежны и четыре неурожайныхъ года, непосредственно слѣдовавшіе другъ за другомъ, нанесли населенію рѣшительный ударъ. Селенія около Каргополя еще лучше выдерживали напоръ страданій, но сѣверныя части уѣзда дошли до непоправимой нищеты и безвыходнаго положенія; тамъ оказались цѣлыя волости, гдѣ не было ни одного крестьянина, у котораго было бы достаточно хлѣба, чтобы прокормить свою семью въ теченіе года; мало этого, волость, въ которой встрѣчалось нѣсколько крестьянъ способныхъ круглый годъ кормить свою семью хлѣбомъ, считалась уже находящеюся въ завидномъ положеніи. Сначала ѣли хлѣбъ не чистый, потомъ подмѣшивали въ него солому; потомъ нужно было подмѣшивать столько соломы, что хлѣбъ не могъ подняться; выпечь хлѣбъ было невозможно, онъ вынимался изъ печи солодѣлымъ и недонеченымъ, а каргопольцы увѣряютъ, что это было еще для нихъ счастливое время. Въ 1867 году хлѣбъ ударило морозомъ и онъ не дозрѣлъ. Не было возможности приготовить даже солодѣлаго хлѣба пополамъ съ соломой. Чтобы менѣе бѣдствовать, крестьяне сняли неспѣлый хлѣбъ, солому изрубили мелко, а изъ коасевъ сдѣлали что-то въ родѣ муки. Въ этомъ хлѣбѣ солома до такой степени преобладала, что муки не было достаточно для того, чтобы служить цементомъ или клейстеромъ; хлѣбъ рассыпался въ печи

и составлялъ что-то похожее на кучу сора или навоза. Небольшая лепешка подобнаго хлѣба въ три четверти фунта была достаточна для человѣка на сутки. Пища эта до такой степени была неудобоварима и такъ была противна человѣческому организму, что, проглотивъ небольшую лепешку, до слѣдующаго дня нельзя было и подумать о пищѣ. Наконецъ и такого хлѣба сдѣлалось недостаточно. Работы найдти было негдѣ; всѣ искали работы, и женщина, которой удавалось какимъ нибудь образомъ заработать въ день фунта три хлѣба, возбуждала всеобщую зависть. Просить милостыню было также бесполезно; всѣ просили милостыню и некому было подавать. Крестьяне разсыпались по окрестностямъ, мужчины, женщины, дѣти ходили верстъ за сорокъ и болѣе отыскивать себѣ скудные средства къ существованію. Тотъ считалъ себя счастливымъ, кто верстъ за сорокъ или за пятьдесятъ номѣщаль своего сына не за какую нибудь плату, а за одинъ хлѣбъ. Дѣти совершали зимою подобныя отдаленныя путешествія для выпрашиванія милостыни и случалось, что ничего не получали. Послѣ всѣхъ этихъ мѣръ, все-таки питаться было нечѣмъ, чувствовалась необходимость къ прежнимъ суррогатамъ хлѣба прибавить еще какой нибудь суррогатъ. Имъ предложили къ ихъ безобразнымъ печеньямъ прибавлять мохъ и сосновую кору. Вышла такая отвратительная и неудобоваримая пища, что крестьяне, которые принялись за нее, умирали, у нихъ вздувало животъ, дѣлались нестерпимыя боли и кончалось смертію. Къ такой пищѣ надо привыкать съ молодыхъ лѣтъ, а если бы они привыкли, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ скоромъ времени ихъ физическія и умственныя силы дошли бы до такого же упадка, какъ у нѣкоторыхъ сѣверныхъ инородцевъ. И вотъ началась толки о переселеніи, толки неясныя, сбивчивыя, но для всѣхъ соблазнительныя; потому что неизвѣстность будущаго казалась неизмѣримо отраднѣе извѣданнаго настоящаго. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось читать такой мірской приговоръ, какой я прочелъ у каргопольцевъ—приговоръ этотъ уже самъ по себѣ былъ крикомъ отчаянія. Въ немъ перечислялись всѣ бѣдствія, испытанныя волостью и четырехлѣтній неурожай и зябелъ 1867 года, и волость послала своихъ членовъ въ переселеніе, куда глаза глядятъ. «Отпускаются для переселенія, — сказано было въ приговорѣ,—въ Самарскую или Ставропольскую губерніи, за Кавказъ или куда найдутъ возможность». Повидимому главной причиною, почему общество настаивало на переселеніи, была затруднительность въ уплатѣ податей, а потому общество требовало преж-

де всего, чтобы переселенцы продали остатки скуднаго своего имущества и внесли подати. Все, что у нихъ еще осталось послѣ многолѣтнаго постепеннаго обѣдненія, пошло за безцѣнокъ. Одинъ продалъ домъ, довольно новый съ анбарамц, пристройкамц, который по меньшей мѣрѣ стоилъ 60 рублей, — за 10 рублей; другой за домъ свой взялъ пятую часть цѣны; третій продалъ корову и лошадь за 8 рублей 70 коп.—одна корова стоила 12 рублей.

Такимъ образомъ, крестьяне дошли до положенія, при которомъ они лишились всякой надежды уплатить свои долги, внести подати и обсемянить свои поля. Они лишились всякаго кредита, никто не рѣшался давать имъ денегъ впередъ для уплаты податей или хлѣба на семѣна; они падали тяжелымъ бременемъ на свои общества, которыя старались ихъ сбыть. Въ волостяхъ было множество такихъ людей и ихъ односельцы не давали имъ покоя. Распространялись слухи, что болѣе трехъ сотъ человѣкъ уже переселились въ Самарскую губернію и писали оттуда, что тамъ житье богатое. Не знаю, насколько справедливо то, что многимъ дѣйствительно будто бы удалось переселиться, но тѣ, которые были остановлены и возвращены очутились въ самомъ жалкомъ положеніи. Общество требовало отъ нихъ, чтобы они уплатили все свои долги, чтобы они не только уплатили подати, но нашли бы за себя поручителей въ уплатѣ этихъ податей впредь до ихъ перечисленія на другое мѣсто. То, что не пошло на уплату податей, пошло поручителямъ въ добавокъ къ переданной имъ землѣ. Мало этого, отъ нихъ требовали еще внесенія недоимки въ запасные хлѣбные магазины; люди шли солому, а на нихъ насчитывали хлѣбныя недоимки для запаснаго магазина. Иные поднимались въ путь, не имѣя ни копѣйки денегъ, другіе при семействѣ въ шесть или семь человѣкъ имѣли не болѣе трехъ или четырехъ рублей, — и только самые счастливые до десяти рублей. По возвращеніи же домой, они не имѣли тамъ ни кола, ни двора, ни скота, ни хлѣба. — Какова будетъ ихъ судьба?

Вотъ положеніе, въ которомъ находились волости уѣздовъ каргопольскаго и пудожскаго, между тѣмъ это были тѣ уѣзды Олонецкой губерніи, которые пользовались наибольшимъ благосостояніемъ. Смертность въ нихъ въ 1863 году была самая благоприятная; это были единственные уѣзды, въ которыхъ и между мужчинами и между женщинами способные къ работамъ составляли болѣе половины населенія. Каково же должно быть положеніе населенія въ прочихъ уѣздахъ?

Если теперь мы обратимся къ серьезному вопросу, какъ помочь въ данную минуту эту бѣдному краю, то намъ прежде всего представится мысль о переселеніи. Что можно болѣе сдѣлать тамъ, гдѣ средства къ поддержанію благосостоянія такъ незначительны, что увеличеніе населенія немедленно приводитъ къ истощенію источниковъ жизни и къ такому ослабленію силъ населенія, что оно дѣлается неспособнымъ пользоваться и тѣмъ, что у него подъ руками. Одна женщина, которая взята была замужъ въ сѣверную волость каргопольскаго уѣзда изъ болѣе южныхъ и счастливыхъ мѣстностей, разсказывала, что она прожила тамъ десять лѣтъ и въ теченіи этого времени въ ея селеніи и въ окрестностяхъ никто даже не ѣлъ легковѣсный хлѣбъ съ мякиною, а постоянно ѣли хлѣбъ пополамъ съ соломою. По временамъ, она ѣздила къ своимъ родственникамъ на югъ и оттуда привозила обыкновенный черный хлѣбъ; хлѣбомъ этимъ она угощала, какъ приятелемъ. При подобномъ положеніи можетъ ли что нибудь помочь бѣдѣ кромѣ переселенія? переселеніе это должно быть не единовременное, а постоянное, для того чтобы населеніе не могло чрезмѣрно увеличиться и истощить ресурсы края. Если англійское правительство сумѣло въ теченіи 20-ти лѣтъ переселить въ одну Америку $\frac{3}{5}$ населенія Ирландіи, кромѣ передвиженія ирландцевъ въ Англію, Австралію и другія мѣста, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постоянное переселеніе съ нашего сѣвера на югъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно необходимо для искорененія тамъ бѣдности и водворенія благосостоянія можетъ быть приведено въ исполненіе, лишь была бы для этого добрая воля. Кромѣ переселенія, дѣло первой необходимости—болѣе равномерное разложеніе сборовъ, въ платежѣ которыхъ давно должны участвовать имущіе классы. Конечно, при бѣдности Олонецкой губерніи и при ничтожности имуществъ, способнаго приносить какой либо доходъ сверхъ средствъ для необходимаго содержанія, едва ли возможно ожидать, чтобы доходы казны, при разложеніи податей на имущественные классы, сохранили настоящіе размѣры. Но въ виду будущаго поправленія края и спасенія его отъ окончательнаго раззоренія—эта жертва будетъ не бременемъ, а громадной выгодой вносѣдствіи. Эта временная жертва создастъ людей, которые, вмѣсто того, чтобы мучить себя, тяготить свое отечество и затруднять правительство, будутъ пользоваться благосостояніемъ, будутъ радовать свое отечество и сдѣлаются полезными членами общества. На значительность дохода тѣмъ менѣе можно расчитывать, что

Олонецкая губернія не только вынуждена по рѣдкости своего населенія къ большимъ земскимъ сборамъ, но крайше нуждается въ податкѣ для бѣдныхъ. Въ Олонецкой губерніи точно также, какъ во всей сѣверной Россіи, пути сообщенія крайне плохи, ко множеству селеній можно проѣхать не иначе, какъ верхомъ, иногда въ подобныхъ селеніяхъ невозможно достать хлѣба ни за деньги, ни безъ денегъ, и это не только въ такихъ рѣдко населенныхъ уѣздахъ, какъ повѣнецкій, но и въ такихъ, какъ каргопольскій. Не смотря на это, мѣстные сборы весьма велики. Въ енисейскомъ округѣ, въ глухой тайгѣ, я встрѣчалъ селенія, въ которыхъ подати отъ мѣстныхъ сборовъ такъ возвышались, что на душу приходилось по 13-ти и по 15-ти рублей, сверхъ того ихъ лично наряжали для исправленія дорогъ; столь же значительные сборы встрѣчаются и въ Архангельской губерніи. Правильная подать для бѣдныхъ дѣло крайней необходимости, тамъ гдѣ Сѣверъ заселялся здоровымъ племенемъ подать для бѣдныхъ вводилась уже во времена варварства; на островѣ Исландіи она оставила по себѣ извѣстные памятники уже въ средніе вѣка. Частная благотворительность, какъ бы ни были велики ея усилія, никогда не можетъ удовлетворить потребности края. Въ настоящемъ году, подъ влияніемъ впечатлѣнія, произведеннаго голодомъ, мы были гораздо податливѣе, чѣмъ когда нибудь, и что же? — переселенцы пудожскаго и каргопольскаго уѣздовъ не только ею не пользовались, они объ ней даже не слыхали. Если ихъ бѣдность не стоила вспоможенія, то чья же стоила? Среди какого населенія можно было встрѣтить болѣе грустныя картины человѣческой нужды, безъисходной и мучительной, нужды, доводящей человѣка до упадка всѣхъ его силъ, сознанія и чувствъ. Отецъ ушелъ на работу въ одну сторону, мать въ другую; голодные дѣти убѣжали собирать милостыню и дома остался одинъ грудной ребенокъ, безъ няньки, безъ помощи; его тѣло изѣдено зловредными испареніями, отъ экскрементовъ, въ которыхъ онъ валялся; у него завелись черви; онъ кричитъ до тѣхъ поръ, пока лишается чувствъ; послѣ нѣсколькихъ подобныхъ припадковъ съ нимъ дѣлаются корчи и въ заключеніе, на выручку, является смерть. На другой день мать голодная идетъ на работу, но хлѣбъ, доставшійся отъ нея дѣтямъ, не носелъ имъ въ прокъ; онъ былъ или солодѣлый, или распозался во рту какъ слюна съ соломенными иглами, или крѣпкій какъ камень. Ребенокъ не слишкомъ голодный, ѣлъ очень мало, хилѣлъ и чахъ, а ребенокъ, которому доставался

хлѣбъ послѣ продолжительнаго голода, наѣдался слишкомъ и черезъ полчаса валялся по полу съ крикомъ и въ страшныхъ корчахъ; для много за подобнымъ припадкомъ слѣдовала смерть. Подать для бѣдныхъ должна въ этомъ краѣ носить особенный характеръ, соответствующій условіямъ жизни. Она должна не только помогать бѣднымъ, но еще болѣе предупреждать бѣдность. Въ краѣ долженъ быть учрежденъ банкъ, который бы давалъ бѣднымъ людямъ безпроцентныя ссуды для пріобрѣтенія семянъ и для покупки скота, на подобіе тѣхъ безпроцентныхъ ссудъ, которыя въ цивилизованныхъ государствахъ даются въ минуту нужды и голода. Край этотъ долженъ дѣлать ссуды за ручательствомъ сельскихъ обществъ, управленія подати для бѣдныхъ или частныхъ благотворительныхъ обществъ. Въ случаѣ неурожая и падежа скота управленіе подати для бѣдныхъ и благотворительныя общества не допускаютъ крестьянъ до раззоренія, а банкъ до банкротства, и платятъ за нихъ.

При обсужденіи всякаго соціальнаго явленія, мы не должны забывать ни на одну минуту, что мы имѣемъ дѣло не съ механическимъ аппаратомъ, а съ живыми людьми. Тутъ все зависитъ отъ чувствъ этихъ людей и ихъ взглядовъ на вещи. Если наши кулаки, обращающіе народъ подъ всѣми возможными предлогами и на всѣхъ стезяхъ его безпрерывнаго и неблагодарнаго труда, если эти дикіе и полудикіе эксплуататоры не проникнутся болѣе гуманными чувствами къ ближнему и болѣе свѣтлыми понятіями о великомъ значеніи народнаго труда и его правъ на должное вознагражденіе, то среди такого общества рабочему населенію, живущему въ трудныхъ обстоятельствахъ, нечего ждать; оно будетъ бѣднѣть, хилѣть и вырождаться. Теперь намъ предстоитъ разрѣшить вопросъ: обнаружимъ ли мы себя по отношенію къ сѣверному краю народомъ полнымъ жизни и надежды или народомъ безсильнымъ и глухимъ. Въ первомъ случаѣ, мы обнаружимъ ту симпатію, то вниманіе къ нуждамъ края, которыя не только дадутъ надлежащія размѣры благотворительности и подати для бѣдныхъ, но въ минуту одушевленія общества къ излеченію ранъ края, выдвинуть на видъ людей, которымъ можно будетъ вѣрить деньги, не опасаясь за то, что они употребятъ ихъ лично для себя или для пристрастнаго покровительства своимъ друзьямъ. Въ обществѣ явится увѣренность, что стоитъ жертвовать, что жертвы достигаютъ своей цѣли, и въ немъ разовьется болѣе гуманный, болѣе соответствующій взглядъ на рабо-

чаго. Во второмъ случаѣ, общество будетъ говорить о рабочемъ съ презрѣніемъ, бездушно отрицать его нужды, благотворительность приметъ слабыя размѣры, подать для бѣдныхъ, вспомошествованіе краю или вовсе не будутъ существовать или разбредутся по слабымъ карманамъ; переселеніе останется въ ничтожныхъ размѣрахъ; — общество будетъ полно охлаждающаго недовѣрія и край будетъ бѣднѣть и раса будетъ вырождаться. Мы слишкомъ увѣрены въ своемъ будущемъ и въ неизбежности въ нашей средѣ прогресса. Намъ слѣдовало бы помнить, что передъ нами два пути: одинъ поставитъ насъ во главѣ цивилизаціи, другой приготовить намъ судьбу Индіи, Китая и Испаніи. Эти три страны играли когда-то болѣе видную роль, чѣмъ мы теперь играемъ; Испанія стояла когда-то во главѣ европейской цивилизаціи, а теперь лишилась четырнадцати и пятнадцати прежнихъ своихъ владѣній. Чтобы не попасть на этотъ жалкій путь нужно развить въ себѣ нравственную силу, а не опускать безнадежно руки.

Н. Флеровскій.

